
История русской литературы

Марина КИСЕЛЕВА

ВРЕМЯ «ПОСТРЕВОЛЮЦИИ» В РОМАНЕ Ю. ТЫНЯНОВА «СМЕРТЬ ВАЗИР-МУХТАРА»

Аннотация. В статье исследуется «время после» как «литературный факт» романа Ю. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» (1927). Неудача декабристов 1825 года, являясь историческим фоном романа, делает понятной проблему постреволюции. Автор выявляет типы времени, их функции в разных главах романа; считает, что измена — главная его идейная тема; доказывает, что Грибоедов — внутреннее «я» героя романа, экзистенция трагической личности, выбирающая верность себе при сопротивлении «времени после». Автор полемизирует с критиками романа Тынянова.

Ключевые слова: Ю. Тынянов, А. Грибоедов, Вазир-Мухтар, «Смерть Вазир-Мухтара», внутренний и внешний человек, экзистенциальный выбор, измена, время, вечность, «время после», революция, поражение.

Марина Сергеевна КИСЕЛЕВА, доктор философских наук, главный научный сотрудник, профессор кафедры истории и философии науки Института философии РАН, главный научный сотрудник НИУ ВШЭ. Область научных интересов — интеллектуальная история, древнерусская книжная культура, методология гуманитарных наук, междисциплинарные проблемы изучения человека. Автор монографий «Учение книжное: текст и контекст древнерусской книжности» (2000), «Интеллектуальный выбор России второй половины XVII — начала XVIII века» (2011), ответственный редактор ряда сборников научных статей и автор около 200 статей по указанной научной проблематике. Email: markiseleva@gmail.com.

Грусти у нас теперь много — кто-то давно ее посеял, а мы жнем. Урожай. Самый грустный человек 20-х годов был Грибоедов.

*Из письма Тынянова Горькому
21 февраля 1926 года*

Время революции закреплено в пространстве. Партии и «личности» ведут жестокую борьбу за свое место в быстротечном революционном времени. Помним Маяковского: «Которые тут временные? / Слазь! / Кончилось ваше время». Время революции чрезвычайно пестро, торопливо и изменчиво: февраль 1917 года — имперская Россия; март 1917 года — отречение императора Николая II, и место имперской заняла «Свободная Россия» во главе с Временным правительством; к середине лета 1917 года нарастает анархия и все большую роль играют Советы рабочих и крестьян. Наконец к 25 октября 1917 года большевистским вождем В. Лениным *назначено время* свершения «пролетарской» революции: «Вчера рано, завтра — поздно. А потому — сегодня». Новые участники¹ определили *свое время* сообразно своим целям.

Для закрепления успеха новая власть сменила календарь, переведя страну с юлианского на григорианский, тем самым символически порвав с прошлым и обозначив вектор своего движения на Запад, в мировую революцию. Ленин как глава нового правительства Советской России законодательно закрепил это догоняющее другие страны время, одновременно несущее им вихрь революции, подписав 26 января 1918 года «Декрет о введении в Российской республике западноевропейского календаря».

---

¹ Обратим внимание на «говорящее» слово «участники» в нашем контексте. Первое значение указывает на то, что, понимая или не понимая этого, участники события определяют себе *участь*, за что несут в последующее время ответственность. Второе значение указывает на событие в его временном течении, *у-часа...* Третье — «частники», то есть указание на часть из всех (населения страны, города и т. д.). В 1917 году в последнем значении нашел свою реализацию классовый подход к делению общества.

Понятно, что время после революции принадлежит победившим.

Однако что принес «успех революции» тем, против кого революция затевалась, или... что приносит «безуспешная» революция тем, кто в ней участвовал? Как переживается *постреволюционное время* потерпевшими поражение? Останавливается? Двигается вспять? Постреволюционная Россия после 1917 года, применив классовый подход, определила побежденных в «бывшие»... Их время прошло, осталось в прошлом. И если эти люди не погибли в революционной катастрофе и гражданской войне, то *как* могла продолжаться их жизнь?..

События 20-х годов молодой Советской республики от времени гражданской войны через новую экономическую политику к 30-м сталинским годам с программой построения социализма скреплялись идеями социального новаторства, революционного успеха «эксклюзивных» советских опытов строительства «нового общества». Героев революции важно было иметь не только в настоящем, но и в «революционном прошлом». «В 20-е годы нашего века нужен был исторический роман, — писал (анти)советский литературовед, — потому что было необходимо понять, что великая революция наступила как результат исторического процесса, а не случилась, потому что недоглядела полиция. Создавалась новая культура, и надо было доказать, что она имеет право на существование, приобретенное не только победой, но и законным наследованием» [Белинков: 168].

На 1925 год пришлось сразу два «революционных юбилея» — 100-летие декабрьского восстания 1825 года и 20-летие революции 1905 года. Как пишут современные исследователи, «раздавались голоса о приоритете юбилейных торжеств в честь революции 1905 г. перед декабристским юбилеем. Наиболее настойчиво за это ратовал М. С. Ольминский. Но его позиция была подвергнута критике. В защиту юбилея декабристов совместно с С. И. Мицкевичем выступил М. Н. Покровский» [Цамутали, Белоусов: 11]. Молодому социуму нужна была своя «длинная история».

К юбилею декабристов о событии столетней давности писали не только историки. В 1924 году известному к то-

му времени литературоведу Юрию Николаевичу Тынянову, разработавшему основы русской формальной школы, одному из ведущих теоретиков ОПОЯЗа, сотруднику Государственного института истории искусств, была заказана повесть для юношества о поэте и декабристе, лицейском друге Пушкина, каторжанине и ссыльном на поселение в Сибирь Вильгельме Кюхельбекере. Роман вышел в 1925 году под названием «Кюхля» тиражом в 6 тыс. экземпляров. С этого романа началась писательская биография формалиста-опоязовца Тынянова.

Однако не тема выступления декабристов будет занимать нас в этой статье. Вопросы о *времени после провала* декабристов в 1825 году стали смыслом другого произведения Тынянова с его главным героем Александром Сергеевичем Грибоедовым. «Смерть Вазир-Мухтара» была написана Тыняновым *в канун десятилетия двух русских революций*, слившихся в идеологии победившего пролетариата в одну — революцию Великого Октября 1917 года. На протяжении 1927 года роман писался и публиковался с продолжениями в двенадцати номерах журнала «Звезда». В 1929 году он вышел отдельной книгой.

В этом романе время, как мне представляется, стало не фоном, не биографической связкой романских событий, не контекстом эпохи или «бытом», как сказал бы Тынянов-теоретик. Время под пером автора стало «литературным фактом» исторического романа. Так совпало, и это скорее не случайность, что писание романа стало временем последнего плодотворного периода разработки теоретических основ формальной школы. Две программные статьи Тынянова «О литературной эволюции» и «Проблемы изучения литературы и языка» вышли в 1927 и 1928 годах соответственно. Они стали продолжением важной и этапной статьи 1924 года под названием «Литературный факт», в комментариях к которой исследователями отмечалось, что для теоретика Тынянова «аспект эволюции, исторического движения, несомненно, господствовал», а термин «эпоха-система» позволял «закрепить соединение исторически-временного и синхронно-системного» [Годдес и др.: 523]. В письме к другу и коллеге по ОПОЯЗу В. Шкловскому от 1927 года Тынянов строил планы на продолжение теоретической работы:

Кончу роман, разные занятия, закачусь на погибельный Кавказ, буду писать об эволюции литературы. Крепко о ней думаю, кое-что выдумал <...> Выйдет у нас, чувствую, дело. Необходимо еще прожить 15 лет. Обоснуем свое значение на жизни, а не на смерти — это дело поэтов² (цит. по: [Годдес и др.: 523]).

Думаю, правильно будет сказать, что для Тынянова-писателя работа над романом «Смерть Вазир-Мухтара» с его героем, поэтом-драматургом, ставшим дипломатом, а желавшим стать реформатором-практиком экономики Кавказа в интересах России, явилась своего рода интенцией продумывания, осознания и разработки идеи «литературной эволюции», которой был занят Тынянов-теоретик.

Итак, *время жизни после* социальной катастрофы, после неудачи первой попытки политического протеста части российского дворянства против самодержавного устройства Российской империи. Это время «переломилось» («вдруг», как написал Тынянов) от первой ко второй четверти XIX века: от победной эпохи Александра I к его наследнику Николаю I.

И вот вопрос: гарантировано ли, что поражение протестантов принесет такой успех другой стороне, что память о событии будет совершенно забыта? Заметим, что официальная оценка произошедшего выступления войск на площади перед Сенатом в газете «Санкт-Петербургские ведомости» имела целью именно забвение. Читателям сообщалось прежде всего о «чувстве радости и надежды», которое испытали подданные в связи с вступлением на престол императора Николая Павловича. Сообщалось: «Между тем, две возмутившиеся роты Московского полка не смирились. Они построились в баталион-каре перед Сенатом; ими начальствовали семь или восемь Обер-Офицеров, к коим при-

---

² Высказывание о жизни и смерти надо понимать и биографически. Тынянов был болен тяжелой болезнью — рассеянным склерозом, от которого умер в 1943 году, прожив 49 лет.

соединилось несколько человек гнусного вида во фраках. Небольшие толпы черни окружали их и кричали: “ура!” <...> мятежники <...> не нашли себе других пособников, кроме немногих пьяных солдат и немногих же людей из черни, также пьяных...»³ [*Санкт-Петербургские...*].

Однако можно предположить, что поражение в революции все же сохраняет нереализованную энергию за границами завершившегося события. Память о событии, несмотря на жестокие последствия со ссылками и казнями, продолжает тлеть в общественном организме, вовлекая в крутящуюся воронку болезненных воспоминаний тех, кто в нем участвовал, их друзей и родных. «Время жизни» продолжается, событие остается в официально осужденном прошлом и опускается на дно истории... Но люди, прямо или косвенно связанные с поражением как событием *своей* жизни, продолжают существовать в «прошедшем настоящем»...

Что же происходит с человеком, переживающим такую ситуацию? Ему ли принадлежит время? Волен или неволен он в своей жизни после неудачи протестного события?

Тынянов описывает выступление декабристов на площади перед Сенатом в романе «Кюхля». Там — пространство наполнено движением: по улицам-«артериям»-«сосудам» города движется народ, ему противостоит пустота утренней площади, постепенно заполнявшейся восставшими, безмолвно застывшими и уже ощущающими безнадежность своего выступления. Их время замерло на площади, а потом закончилось: для пятерых на кронверке Петропавловской крепости, а для остальных изменило свое течение, перенеся в другие пространства: приговоренным к каторге в Сибирь, разжалованным в рядовые в действующую армию на Кавказ.

В «Смерти Вазир-Мухтара» описания декабрьского события 1825 года нет, но оно присутствует в самой жизни Грибоедова. Это он, герой романа, по замыслу автора,

---

³ Подробнее см.: [Готовцева, Киянская].

втягивается в воронку неудачи большого события. Аркадий Белинков писал, что различие двух романов Тынянова в том, что в первом жизнь героя predetermined историей, а во втором — судьбой:

Историчность первого романа более явственна и проста, история в нем играет лишь роль импульса человеческих поступков. Второй роман написан о том, что все проходит и повторяется, о том, что все решено, и все, что будет, уже было, а будет «то же, что и сейчас» [Белинков: 184].

И далее, продолжая сравнение, он писал, что жизнь Грибоедова в романе связана с «качествами времени»; человек в нем — лишь «точка приложения исторических сил»; в нем нет «свободы воли, нет выбора, все в нем предопределено и предназначено, и поэтому, независимо от своих природных качеств, человек становится таким, каким его делает время» [Белинков: 183]. Отнесемся к этому утверждению как к гипотезе нашей статьи и попробуем проанализировать «всесильное» время романа.

Его начало мощно и страшно. Во вступлении дается картина своего рода апокалипсического апофеоза: время, скрутившее и привязавшее людей к происходящей катастрофе, не позволяет разрешиться ей в высших сферах. И во вступлении, и во всем романе персонажи находятся в пространстве земных интересов и целей, успехов в их достижении, но больше утрат...

Статическая динамика — оксюморон, на мой взгляд, естественный для Тынянова-формалиста, ищущего точку соединения диахронии и синхронии. Метафорическая мистерия введения в роман механистична. На это прямо указывает последняя строка из эпиграфа — стихотворное послание Баратынского Грибоедову («Храня движенья вид...»):

На очень холодной площади в декабре месяце тысяча восемьсот двадцать пятого года перестали существовать люди двадцатых годов с их прыгающей походкой. Время вдруг переломилось; раздался хруст костей у Михайловского мане-

жа — восставшие бежали по телам товарищей — это пытали время...

Время земной жизни имеет свою размеренность смены поколений: отцы, дети, внуки. Отцы, с их «прыгающей походкой», — «порхающие отцы», осужденные на казнь и «бесславную жизнь», от них «отлила кровь», «переместилась». Но дети, собственно, не иное поколение, они моложе отцов «всего на два, на три года». После декабря 1825-го потянулись годы «пустот» — время неуспеха, последствий провала «тайного общества».

И тогда началось время «детей»: «...они завинтили пустой Бенкендорфов механизм и пустили винт фабрикой и заводом. В 30-х годах запахло Америкой, ост-индским дымом». Отцам это время несло «соль и смерть», а детям — «деньги»...

Время продолжающейся жизни человека, когда его «век умер раньше», есть время тяжелого умирания... Писатели «эпохи после» нашли точное слово — «лишние люди». Тынянов пишет о «жизни *превращаемых*»: «...жизнь тех из двадцатых годов, у которых перемешалась кровь. Они чувствовали на себе опыты, направляемые чужой рукой, пальцы которой не дрогнут». Не о своем ли времени Тынянов в этих строках и далее, когда наделял каждое время своим «видом брожения»? Пушкин — «винное», Грибоедов — «уксусное», Лермонтов — «гнилостное». Тынянов продолжал, уточняя, что самые тонкие духи требовали амброзии (отбросов): «Вот уже в наши дни поэты забыли даже о духах и продают самые отбросы за благоухание».

Кого же из поэтов своего времени Тынянов имеет в виду? Вправду ли, как считает Белинков, всегда *все*, что было, есть и сейчас?

Наконец автор подходит к цели введения в роман. Его собственный образ-метафора встает перед читателем: «Старый азиатский уксус лежит в моих венах, и кровь пробирается медленно, как бы сквозь пустоты разоренных империй». Здесь исток встречи автора с героем, здесь авторская интенция: Грибоедов еще недвижим, только со сна, «он не думает, не говорит». Но вот герой протягивает руку к очкам... И наконец автор завершает вступление:

«Еще ничего не решено». Чья это мысль? Автора, героя, или это — «затакт», озвученная пауза перед тем, как запустить время романной жизни Грибоедова?

Точно таким же предложением, но только с еще одним словом — «было», — открывается первая глава романа: «Еще ничего не было решено». Между этими двумя почти тождественными предложениями стоит эпиграф, данный на арабском языке с переводом на русский, из письма, подписанного Грибоедовым и с именем адресата — Булгарину. Так, еще не начав повествования, автор представляет двух героев своего романа⁴.

Грибоедов просыпается в отчем доме в Москве, где останавливается всего на два дня, так как с дипломатической миссией везет из Персии в столицу Туркманчайский договор (договор подписан 10 февраля 1828 года). «Отчие» звуки оживающего поутру дома пробуждают в нем воспоминания о прошлом — «Алексей Федорович Грибоедов, дядя с палкой, умер пять лет назад. Скончался в свое время и папенька». Часы в доме перекликались из комнаты в комнату, «как петухи», в будуаре у татап маятник часов «всегда ходил как бешеный». Позже Грибоедов ехал по Москве, отмечая «с некоторым любопытством <...> что движение совершается кругообразно и без цели»:

Стоял печальный месяц март — погода влияла на настроение героя. Скука. Желание перемены настроения оживляло в памяти недавние переговоры в крепости Аббас-Абад и бессонные ночи: идешь, идешь за линией, натыкаешься на препону, и путаница <...> на солнце он был мальчиком, в тени стариком.

Следующим абзацем Тынянов вводит в текст фабульный конструкт: *проект*. Под таким названием в текст романа входит сочиненный Грибоедовым проект Российско-закавказской компании для развития экономических,

---

⁴ О расшифровке эпиграфа, адресованного Грибоедовым не Булгарину, а Катенину, а также о других эпиграфах и их функциональной роли в романе см.: [Эйдельман].

более чем политических, отношений юга Империи, Кавказа⁵. Тынянов практически сразу сообщает будущую судьбу проекта: «Рассеянность и холод коснулись даже проекта; он не был больше уверен в нем, даже напротив, проект, без сомнения, поскользнется...»

Первая глава романа — посещение московских друзей, беседы, понимание/непонимание в разговорах, одиночество в друзьях: стареющий генерал Ермолов, бывший шеф по дипломатической службе в Тифлисе, басманный вольнодумец Чаадаев, живущий во флигеле усадьбы Левашевых, наконец, верный и старший друг Степан Никитич Бегичев. Время дружества московских встреч быстро истекает. Между Бегичевым и Грибоедовым встает их разделившее время:

Так сидят два друга, и английские часы смотрят на них во весь циферблат.

Так они сидят до поры до времени.

Потом один из них замечает, что как бы чужой ветер вошел в комнату вместе с другим.

И манеры у него стали как будто другие, и голос глуше, и волосы на висках реже.

Он уже не гладит его по голове, он не знает, что с ним делать.

У него, собственно говоря, есть желание, в котором трудно сознаться, — чтобы другой поскорее уехал.

Вторая глава (самая объемная в романе) — своего рода повесть о Петербурге времени «после» с коллежским советником Государственной коллегии иностранных дел А. Грибоедовым в 40 сюжетных фрагментах. Ее начало — цитата из «Северной пчелы» от 14 марта с кратким объявлением события: возвестить пушечными выстрелами о заключении мира с Персией. Ее окончание — принятие Грибоедовым Высочайшего назначения послом в Персию

---

⁵ Современное обсуждение этого проекта на форуме «Полюс мира» см.: [Остахова].

(«все решено»). Пространство Петербурга и события, в которых действует герой в этой главе, заключены между Персией и Персией, куда через Тифлис решает ехать Грибоедов.

Время Петербурга отсчитывается пушкой — «орудийной газетой» столицы. Она звучит каждый полдень и каждое наводнение. Пушка палит, как известно, с Нарышкина бастиона Петропавловской крепости, там идет отсчет столичного времени империи:

В жизнь каждой комнаты и канцелярии вторгается пушечный выстрел. Краткий миг изумления кончается тем, что взрослые проверяют часы, а дети начинают бессознательно играть в солдатики.

<...> с трех часов 14 марта 1828 года пушки вздыхали побоевому. Был дан двести один выстрел.

Петропавловская крепость была тем местом, где лежали мертвые императоры и сидели живые бунтовщики.

Двести один, друг за другом, выстрел напоминал не торжество, а восстание.

Между тем все было необычайно просто и даже скучно.

«Двухчасовой ход пушки» — время приема Российским императором коллежского советника Грибоедова во дворце с вручением Николаю I договора о мире с Персией вместе с большими контрибуциями в пользу России. Каждый выстрел имел материальный вес в воображении министра Нессельроде, прибавляя ему награды и состояние. Автор дает ремарки в дворцовое действие: пушки били как часы...

Выстрелы.

Паскевич становился графом, Нессельрод — вице-канцлером. Коллежский советник Грибоедов получал орден и червонцы. Чеканились серебряные медали с надписью на лицевой стороне: «За персидскую войну», на обороте: «1826, 7 и 8».

Столичная жизнь героя полна визитов: «...и завтра то же, что вчера»: приглашения на бал, в театр, на обед... Два высочайших визита — во дворец к императору с Туркман-

чайским миром и на личную аудиенцию — начало и конец главы. Грибоедов приглашен с визитом в министерство к вице-канцлеру Нессельроде, на которое он возлагает надежды дать ход своему Закавказскому проекту, но второй визит надежды не оправдал. Он на обеде у генералов, еще недавно вершивших судьбы восставших в декабре 1825 года. Он у Фаддея Булгарина на «литераторском» обеде: за столом Пушкин, Греч, Крылов, чтение новой пьесы, теперь трагедии «Грузинская ночь»... Женщины, любовные сцены. Театр — воспоминание о молодых годах и прошлых шалостях, время которых, как выясняет герой, миновало... Глава завершается новым назначением от императора Николая полномочным министром в Персию на этот раз в чине статского советника, которое Грибоедов принимает.

Тынянов в главе о Петербурге, где один эпизод сменяет другой в ускоряющейся круговерти столичной жизни, отмеряющей время каждого следующего дня выстрелами петропавловской пушки, пишет одну маленькую подглавку за номером 6. Ей предшествует лирический, трагически личный и очень восточный эпиграф из поэмы «Гюлистан» Саади. Стихи повторяются в тексте еще и еще раз, на персидском, затем по-русски. Можно подумать, что, читая стихи, «утешавшие его не мыслями, но звуками», Грибоедов успокаивал себя в этих петербургских пространствах: читал Саади и «давал себе отпуск» от земных тревог, забот, неудач и предчувствий: «Ежеминутно уходит из жизни по одному дыханию. И когда обратим внимание, их осталось уже немного».

Тынянов нашел «прием» в конструировании времени строго организованного пространства имперской столицы, противопоставляя ежедневный звук пушечной пальбы, отмеряющий время города, ежеминутному дыханию человека, дающему начало его жизни и отмечающему ее конец... Можно предположить, что герой тыняновского романа, поэт Грибоедов, *нес в себе* другое, не суетливое время обязанностей повседневной жизни, а совсем иное философски-поэтическое ощущение времени. Уход в другой язык, в мир Саади освобождал его от времени здесь и теперь, от суеты и бессмысленности, от забот о деньгах и должности, от случайных и нелюбимых женщин, от непризнания своего творчества.

Уже в следующей главе, по дороге в Тифлис, Грибоедов будет вспоминать Петербург. Он осознавал, что там «жил не в себе, а в тех людях, которые поминутно с ним бывали, а все они были умники, либо хотели ими быть, все были действатели: военные, дипломатические, литературные <...> Они жили по платью, по платью двигались: куда платье, туда они».

Завершая главу, Тынянов находит еще один прием, вводя скрытые цитаты из «Слова о полку Игореве» и предпосылая последней, 40-й подглавке эпиграф из «Слова...»:

Встала обида в силах Дажьбожа
внука, вступила девою на землю
Трояню, всплескала лебедиными
крылы на синем море...⁶

Повторяя эпиграф в самом конце главы, автор «переломляет» время и пространство своего повествования, заставляя героев (в дорогу отправляются Грибоедов, проигравший свой «исторически-преобразующий проект» в петербургских верхах, и его слуга, единокровный брат, Александр Грибов) прочувствовать еще в Петербурге, выпроваживающем их в Персию, иной «мифологический» пласт бытия, собирающий историю в миф, сводя время в пространство:

— Сашка, пой «Вниз по матушке по Волге»!

— Пой, Сашка, пляши!

Несколько удалцов бросятся в легкие струи, спустятся на протоку Ахтубу, по Бузан-реке, дерзнут в открытое море, возьмут дань с прибрежных городов и селений, не пощадят ни седины старческой, ни лебяжьего пуха милых грудей.

— Стенька, пой! То есть Сашка, — говорит вдруг Грибоедов, изумленный, — Сашка, пой.

Сашка поет про Волгу.

---

⁶ Эпиграф воспроизводит «темное место» из «Слова...», в переводе и толковании имеющее много трактовок и версий.

Александр Сергеевич Грибоедов слушает и потом говорит Сашке сухо, как кому-то другому:

— Я хотел сказать, что мы едем не в Персию, а на Кавказ. На Кавказе мы задержимся у Ивана Федоровича. Вы, кажется, полагаете, что мы едем в Персию.

Кому это говорит Александр Сергеевич Грибоедов? Александру Грибову — так ведь фамилия Сашкина? Александру Дмитриевичу Грибову.

Но Грибоедов стоит, и топает ногой, и велит петь Сашке, и Стеньке, и всем чертям про Волгу.

Тынянов точен, соединяя время в его движении только с пространством двух российских столиц. За их пределами на дорогах нет ни часов, ни минут, ни пушечных ежедневных выстрелов, расстояния меряют от станции до станции количеством лошадей, продвигающих путешественника к пункту назначения. Что же время? Третья глава — Грибоедов в дороге, вне времени, ибо время не имеет значения, оно привязано, пространственно точно — дорожная станция, Ставрополь, Екатериноград, уже и Казбек — «отчего у горцев так пряма грудь: их выпрямляло пространство». Вот — случайная любовная связь со степной красавицей, вот путевые впечатления...

Время впредь будет обозначаться так, как движется жизнь, — утро, день, вечер, ночь, смеркалось, рассветало... Время городской жизни растворилось в природном цикле:

Старый солдат сидел в будке при дороге и спал.

— Дед, ты что здесь делаешь?

— Стерегу.

— Что стережешь?

— Дорогу.

— Кто ж тебя поставил здесь дорогу стеречь?

— По приказу императора Павла.

— Павла?

— Тридцатый год стерегу. Ходил в город узнавать, говорят, бумага про харчи есть, а приказ затерялся. Я и стерегу.

— Так тебя и оставили стеречь?

— А что ж можно сделать? Говорю, приказ затерялся. Прощение подавали годов пять назад, ответу нет. Харчи выдают.

Поскольку время остановилось на дорогах имперской России и ничего не менялось еще со времен Павла I, то и событие из недавнего прошлого, так трагически описанное во введении к роману, беспокоило лишь императора и генералов, родственников и близких друзей декабристов. Весть о покушении на императорскую власть на просторы империи не попала. Россия в отличие от Санкт-Петербурга не торопилась менять императоров... Кроме столиц событие отозвалось на Кавказе, куда ехал Грибоедов, да в Сибири, о которой в романе речи нет. Имперский народ стерег дороги империи и был абсолютно невосприимчив ко времени и послушен власти. Народу «харчи выдавали».

Грибоедов в Тифлисе, на Кавказе — 4 и 5 главы. Отвечая на вопрос, что же такое Кавказ, герой обращается к письменной истории и литературе от Ломоносова до Платона Ободовского (повесть «Орсан и Леила» 1825 года). Оказалось, что в литературе найти хотя бы перечисление народов, населявших территории, невозможно. Одно понятно: «Война же на Кавказе шла все время <...> Никто, собственно, и не задавался вопросом, как это так и чего ради идет она, эта постоянная война?» В Тифлисе Грибоедов пробует осуществить свой проект без высокого одобрения и на свой риск. Он берет себе в «наперсники» Завилейского, «чужого», «польского человека», обсуждает учреждение мануфактур на Кавказе, торговые связи с Россией. Отношения с Европой, Персией... а там и Турцией. Завилейский видит в проекте свое: о каком «ослаблении» связей с Россией «хлопочет» Грибоедов? Что он имеет в виду: Кавказ, Польшу? На что Грибоедов «машет беспечно рукой: не будем об этом заботиться чрезмерно. Время само о себе позаботится. В России стрелять умеют, не умеют только пули отливать». Грибоедов, пытаясь просчитать все возможности для своего «дела», отодвинул другие дела. Если бы его увидел папенька, то, пожалуй, сказал бы резче: «Торгашом что ли Алексаша стал?»

В Тифлисе герой нашел себе жену, прекрасную Нину Чавчавадзе, совсем еще девочку пятнадцати лет. Автор долго повествует о выборе и чувствах героя. Тифлисская свадьба перед отъездом в Персию не описана в романе.

Описаны победные марши с трофеями под командованием генерала Сипягина, с участием солдат, среди которых были и те, кто в офицерских чинах выходили на площадь в декабре 1825-го, и те, кто их предал.

Так с предательством Майбороды входит в роман тема измены. Рассказ Акульева — солдатский эпос о казачьем сыне Самсоне-богатыре, перешедшем на сторону персидского шаха во время очередной кавказской войны вместе со своими солдатами и создавшем «шахскую гвардию». Возврат Самсона в Россию — одна из дипломатических задач Грибоедова. В этой «самсоновой» конструкции, простираемой во всех «персидских главах», можно видеть своего рода опыт со временем и пространством по их разворачиванию вспять. Самсон уже достаточно долго служил шаху. Солдаты, да и он сам, обросли семьями. Тынянов описывает свадьбу дочери Самсона во всех подробностях, при этом не написав ни строчки о свадьбе своего главного героя. Можно ли вернуть людей против их воли в начальную точку — на родину — как подданных русского императора, если они изменили и родине, и императору? Можно ли, нужно ли? Вот такого «двойника» восстания на площади перед Сенатом в деле «измены» российскому императору строит Тынянов в романе, написанном в 1927 году. К этой теме измены, которая, надо полагать, была близка и автору романа (многие его коллеги и университетские друзья уезжали из Советской России), я еще вернусь несколько подробнее.

Однако время продолжает идти естественным ходом. Четвертая глава завершается описанием утра. Герои романа, каждый в свой час, просыпаются в Тифлисе, в Петербурге... С этого же утра (а может, и другого) начинается пятая глава: «Фаддей Булгарин с утра засел в Летнем саду», строя драматургию дня для придания веса своему авторитету. Глава — замечательная в своих городских подробностях, встречах и беседах, драке мальчишек в саду и решении Фаддея написать письмо Грибоедову... но осуществится ли оно?

В пятой главе автор иногда позволяет себе даты. Мифологические времена разрываются хронологическими уточнениями: мир Востока есть мир Востока, но в нем обретаются и европейцы. В главе в 24-х пунктах даны отрывки из

записок Аделунга, доктора русской миссии. Среди рецептов, записей вызовов к больным он помечал важные даты: «Июля 11-го. Задержка в жаловании»; «Июля 20-го. Задержка в жаловании». В этой главе происходит важная и решающая для проекта Грибоедова встреча с И. Бурцовым, человеком либеральных взглядов и его давним знакомым. Перед тем, как герои начнут разговор о проекте, автор кратко вспоминает встречу с Бурцовым в Киеве еще в первую поездку Грибоедова в Грузию. И здесь Тынянов указывает дату — июльская ночь 1825 года. Тогда в разговоре участвовали и Пестель, и Сергей Муравьев-Апостол, и Михаил Бестужев-Рюмин, вспоминали и Рылеева, и Одоевского.

И вот через три года (всего через три!) Бурцов и Грибоедов снова встречаются. Характерно начало разговора:

— А теперь садитесь, Александр Сергеевич. Мы с вами не виделись три года.

— Я не помню, Иван Григорьевич.

— Три года — три столетия.

Бурцов говорил тихо и оглядывал Грибоедова.

— «Многих уже нет, а те странствуют далече». Это мы все странствуем с вами.

— Разве вы там были? — спросил вдруг изумленный Грибоедов.

Шпоры, журчание, луна, Грузия.

Вот она, Грузия. Однако!

— Я тоже забыл все, — сказал Бурцов, — воюем, как видите... Давно я от России оторвался. Я иногда вспоминаю Петербург, но вдруг вижу, что это не Петербург, а Бобруйскую крепость вспоминаю или что-то другое, Москву, что ли.

— Москва изменилась. А Петербург все тот же. И Бобруйская крепость та же. Как я мог, однако, позабыть?

— Да ведь помнить горько. Вот так же и я.

Понятно, что «там были» — это о площади и декабре 1825 года. Ответа на вопрос Грибоедова Бурцов не дает. Забвение времени передается от собеседника к собеседнику. Но своим «либеральным» взглядам Бурцов остается верен, а потому не может поддержать проект, который, как ему кажется, построен на полном невнимании к «людям»,

крестьянам и рабочим будущих закавказских производств. За проектом он видит новую аристократию, капитал и новую эксплуатацию переселенных из России на Кавказ крестьян в качестве «рабской силы». Время как бы застывает на той же проблеме, которую пытались решить декабристы.

Спор Бурцова с Грибоедовым — спор двух разных жизненных позиций, возвращение, по всей видимости, спора Северного и Южного обществ. Бурцов — человек военный, командир боевых операций, при этом сторонник либеральных ценностей «свободы, равенства и братства». Он хранит «прямую честь» по отношению к декабристам, как единомышленникам (Рылееву), так и противникам (Пестелю). Грибоедов — аналитик, дипломат, мыслитель, поэт, не теоретизирующий в политике, но профессионально выполняющий свои дипломатические обязанности, что существенно отличает его опыт от опыта Бурцова. Однако именно Бурцов принимает решение о судьбе грибоедовского проекта: «Я буду всемерно проект ваш губить». Встреча на том заканчивается. Тынянов рефреном дает две строки стихотворения, написанного Сергеем Муравьевым-Апостолом. В разговоре Бурцов пытался припомнить все стихотворение, но вспомнил только эти две строки:

Je passerai sur cette terre
Toujours reveur et solitaire...⁷

И ничего больше не сохранилось. Ушло, пропало.

Чтобы читатель почувствовал, что время остановилось после этого разговора, что памяти о прошлом почти нет, Тынянов следующей сценой дает карантин — полное выпадение из времени и пространства. В армии — чума: «Тут ни война, ни мир, ни болезни, ни здоровье. Тут карантин». Ситуация пата. Может быть, это даже хуже забвения, потому что память, есть надежда, может ожить. Пусть не сегодня, так через время, всплывет воспоминанием. Хоть две строки

---

⁷ «Я прохожу по этой земле / Всегда в мечтах и одиночестве...» (франц.)

стихотворения повешенного на кронверке декабриста останутся с друзьями. А карантин — фатальность, *время чумы*, между жизнью и смертью. И пир.

Пир во время чумы⁸ — время смертельного карнавала. Пир устраивает Грибоедов в своей палатке, которую разбил на три дня. «Только чумной ветер» и Александр Сергеевич Грибоедов могли свести за «голым столом» с бургундским и немца, и поляка, и испанцев, и доктора Аделунга из русской службы, и англичанина доктора Мартиненго, и генерала, и бывшего полковника, разжалованного в рядовые солдата... Время пира — время свободы, попытка ее, когда бывшие враги или неприятели пируют вместе. Тыняновский Грибоедов испытывает судьбу, он проверяет себя, он позволяет себе то, что в добром здравии и по сложившимся правилам в обществе сделать никогда бы не смог. Его гости и он сам перед лицом смерти.

Нет, герой не заразился чумой, но он заболел. Время от болезни до выздоровления — время начала «перехода» героя в иное пространство-время, в иное качество. Однако Грибоедов — герой не эпоса, а русской истории XIX века. «Переход» — результат его собственного решения. Отъезд Грибоедова вместе с женой был назначен на 9 сентября: Грибоедов сел в карету и превратился в Вазир-Мухтара, которого далее ждала только Персия, и именно так его там называли. Герой романа отныне разделен на «внутреннего» и «внешнего» человека. Им будет порой трудно договориться, но принятие решений «внутренний» человек оставил за собой.

Древняя Персия определена в романе временем России:

В 1829 году она похожа на Россию времени Ивана III или, может быть, Алексея Михайловича; вероятно, Петра не было или его не заметили. Соперничество двух городов, стар-

---

⁸ Пушкинист Тынянов, конечно, играет текстами. Маленькая трагедия «Пир во время чумы» как перевод одной сцены из поэмы Дж. Вильсона «Чумной город» (1816) была написана Пушкиным болдинской осенью 1830 года (песни Мери и Председателя — оригинальный текст) и опубликована два года спустя.

шего и младшего: Тебриза и Тегерана, как Москвы и Петербурга. Но Тебриз существовал уже в восьмом веке, а Тегеран — во время Тамерлана.

Время персидских событий отмеряется династиями, правлениями шахов, дворцовыми заговорами и войнами, но оно никак не фиксируется, когда речь идет о реально происходящих событиях. Интересы России и Англии; интриги в дворцовых покоях и гареме; персияне и каджары в борьбе за престол шаха. Все это происходило всегда — время циклилось, события повторялись, менялись участники, но осмысление-понимание времени этих событий было его участникам равно безразлично. Даже «петровские реформы», дает такое им название Тынянов, — введение Аббасом в армии пехоты под рукой англичан — не изменили, не «переломили» эти времена.

Персидские подробности шестой главы Тынянов успел сообщить, пока Грибоедов почти месяц добирался до Тебриза. Наконец он прибыл туда 7 октября. Вазир-Мухтару предстояло взять куруры — русские трофеи по Туркманчайскому миру, однако Иран был беден и разорен войной, платить было нечем. Время замерло, его вдруг заметили и начали «заговаривать». Аббас дипломатическими разговорами с Вазир-Мухтаром хотел оттянуть выплату куруров:

Ложь его имела все достоинство искренности и под конец оказывалась правдой.

— Надобно много времени, чтобы каждый народ образовать для войны, — говорил он Грибоедову с необыкновенным достоинством. — Мы только начали, вы также имели свое время испытания, пока не дошли до нынешней степени.

И лишь интриги англичан динамичны в этом персидском повествовании. Макдональд дает поручение доктору Макнилю: «Прошу вас торопиться, — сказал Макдональд, — и как можно чаще сноситься со мною. Я буду отвечать немедленно. С вами едут двадцать человек».

Положение русской миссии в Персии, малочисленной, без денег, как всегда это бывает в России; понукания из Санкт-Петербурга с намерением получить от своих

подчиненных больше без предоставления самого необходимого для осуществления миссии наводили дипломата Грибоедова на страшные, но верные мысли:

Ему стало ясно: это война.

Никто не понимал этого.

Паскевич воевал с турками, но война шла здесь, без солдат, без пушек, еще более страшная. И он один ее ведет, главнокомандующий и заложник. Поэтому, несмотря на дела, проклятое время тянется...

И чтобы поторопить, разрешить событие, Грибоедов, как это и предполагал Макдональд, едет в Тегеран. Смена пространства должна ускорить, сдвинуть с мертвой точки время. Однако что это за пространство? Какую конструкцию создает Тынянов для движения сюжетной линии?

Грибоедов въезжает на площадь Тегерана, заполненную народом: канатные плясуны, фокусники, балаганы... И вдруг в один момент площадь становится пустой:

Как человеческий ветер, качнулась толпа. Они бегут, шахаясь, давят друг друга, сорвался какой-то плясун, сарбазы роняют шлемы, толпа замешалась. Они воют:

— Я Хуссейн! Ва Хуссейн!

Жеребец ступает медленно по вдруг открывшейся дороге. Впереди кучка халатов; халаты все-таки ждут его. Едет к ним Грибоедов.

— Ва Хуссейн!

И передние, которые еще теснятся, закрывают лица руками.

— Я Хуссейн!

И вот нет ни одного человека на площади. Только впереди халаты — свитские. По пустой площади медленно едет Грибоедов.

— Ва Хуссейн! — кричат издали, из переулков.

И он не понимает, он оглядывается на своих. Белые пятна вместо лиц у них у всех.

Что произошло?

Убийца святого имама Хуссейна, сына Алиева, въехал некогда *на вороном коне*. Ибн-Саад было его проклятое имя. Бли-

зок черный месяц мухаррем, когда грудобойцы будут терзать грудь свою, проклиная Ибн-Саада и плача по имаме Хуссейне. Вазир-Мухтар въехал *на вороном коне*.

Эпизод имеет эпическую коннотацию, он становится предвестником трагической развязки романа. Но пустая площадь — явная переключка с площадью того, забытого, события в российской столице... Ничего хорошего пустоты не предвещают. В пустых пространствах и время останавливается, замирает и повторяет событие...

Грибоедов в Тегеране теряется в пространстве дома дипломатической миссии с тремя внутренними дворами. На третьем дворе в кабинете второго этажа он становится «существом таинственным» — Вазир-Мухтар получает свой персидский локус. Внешний человек видит свое отражение в зеркала, во множестве расставленных в комнате.

Прием у шаха по правилам восточного этикета проходит в застывшем времени. «Вазир-Мухтар просидел перед его величеством шахом час без малого», в полной тишине, «внезапно отрешенный от всего, созерцая жемчужный поднос и не думая ни о чем». И именно он разрушает эту зависшую тишину. Когда шах от тяжести своих одежд почти теряет сознание, Грибоедов встает из кресел, в которых удостоен сидеть, когда другие только стоят, причем не снимая, как положено при шахском дворе, обуви, и кланяется «глубоко и быстро». Он, русский посланник, — движитель времени.

Место персидских событий в Тегеране — базар. Здесь слуга Сашка избит «сарбазами», говорившими на чистом русском языке. Это люди Самсона, которых русский посланник должен вернуть императору по мирному договору. Но и это не событие: «Каждый день на базаре палачи бьют воров по пяткам, отрезают правые руки, вспарывают животы». Так здесь «движется» время...

Грибоедов медлил с возвращением из Тегерана: «Воздух разреженный, и в редком воздухе он делает шаг, а ему кажется, что он прошел версту». Что задержало, что замедлило, а потом остановило время жизни Грибоедова? Если следовать сюжетной линии — задержал в Тегеране Самсон, раздраживший своим маршем перед русской миссией Грибоедова. Поторопить скорейшее возвращение «беглого вахмистра» с его

батальоном в Россию — вот дело, ради которого Грибоедов отложил отъезд в Тебриз на день. Судьба ли, как писал Белинков, время ли наложило отпечаток на личность?

Зададимся, наконец, этим вопросом: что определяет намерения, решения и поступки героя романа? Что является его идейным стержнем?

Как мне представляется, проблему можно обозначить одним словом — измена. Грибоедов Тынянова, пусть не покажется странным, не есть конструкция писателем-формалистом жанра исторического романа, крепко привязанная к проигранной исторической ситуации декабря 1825 года, как это задано вступлением в роман. Тынянов сделал своего героя, намеренно или вследствие им же открытой «эволюции литературных жанров», предчувствуя дальнейшее движение литературы, личностью... *экзистенциальной*, поставленной в обстоятельства, не совместимые с собственными дарованиями и писательскими, и музыкальными, и даже профессиональными, личностью, пытающейся преодолеть их. На протяжении всего романа герой постоянно находит себя в ситуации выбора. Но что есть выбор? Внешний человек, «Вазир-Мухтар», делает выбор в предполагаемых обстоятельствах в смысле классической философии: «свобода — познанная необходимость». Внутренний человек Грибоедова в тексте романа пребывает в пограничной ситуации. Именно ее Белинков называет судьбой. Но Грибоедов, как мне представляется, именно в этой ситуации и совершает свой выбор, точно оценивая и обстоятельства, и возможность сохранения своей внутренней свободы.

Подчиняясь воле императора и необходимости преодолеть финансовые трудности вдовствующей матери, Грибоедов *выбирает* чин посла в Персии, осознавая свою ответственность, но и надеясь на осуществление придуманного им проекта. Грибоедов выбирает жену по любви⁹. Грибоедов едет в Тегеран как профессиональный дипломат, чтобы исполнить свои обязанности.

---

⁹ Не могу согласиться с точкой зрения Манина, что у Грибоедова в романе «нет любви» [Манин: 509—510].

Центром его личных усилий, сомнений, решений, наконец, остается адресованный себе вопрос: как сделать так, чтобы *не изменить* себе? Грибоедов, внутренний человек романа Тынянова, заданный предисловием в обстоятельствах жизни «превращаемых», выбирает именно эту позицию: не изменить себе¹⁰. Для того чтобы это понять, писатель дает разнообразие других, по разным причинам «превращаемых», персонажей. И первый, с которым знакомится читатель, — Фаддей Булгарин, числивший себя в конце романа не только другом, но и распорядителем судьбы «Горя от ума».

С изменой имеет дело Грибоедов, желая вернуть Самсона. Он решает споры о возвращении украденных в гарем женщин. Он наблюдает, как одна из жен гарема отказывается своему отцу-немцу в возвращении домой. Он сомневается в успехе своих дипломатических обязанностей и размышляет о жизни в Грузии, в имении своей жены, тихой, частной жизни. Не могут ли эти соображения быть изменой? А его поэтические писания, его новая поэма? Впрочем, его комедию «Горе от ума» так и не разрешили поставить в Петербурге. Наконец, обходя стороной известное декабрьское событие на протяжении всего романа, но оставляя его, несомненно, в душе героя, Тынянов в девятой главе, уже из Тегерана, разрешает Грибоедову написать письмо к генералу Паскевичу, начальнику и родственнику, о декабристе и своем друге, слезно умоляя «выручить несчастного Александра Одоевского... У престола Бога нет Дибичей и Чернышевых...» Его просьба — попытка вернуть превращенного в каторжанина друга.

В десятой главе тема измены получает свою открытую разработку. В миссию к Грибоедову приходит Ходжа-Мирза-Якуб, армянин родом из Эриваня, ставший евнухом в шахском гареме и незаменимым человеком в дворцовых

---

¹⁰ Экзистенциальный нерв романа Тынянова отмечен В. Кавериним, другом и родственником писателя, свидетелем времени писания романа: «Вся трагедия жизни Грибоедова — это борьба с “превращением”. Недаром он задумал и пишет трагедию...» [Каверин, Новиков: 191].

торговых делах. Он просит остаться в миссии, с тем чтобы вернуться на родину по Туркманчайскому трактату. Подробно говорить об этой сюжетной линии здесь невозможно. Но важно, что она — импульс к почти теоретизированию на экзистенциальную тему измены как таковой. Авторское отступление, или размышление лирического героя, или внутренний монолог самого Грибоедова завершается так:

Пространство и время по-разному влияют на слово «измена». Пространство делает его коротким и страшным. Солдат пробирается ночью во вражеский лагерь и предается врагам. Несколько сот сажен бездорожья, лесистого или голого, ровного или гористого, меняют его навсегда. Замешиваются, теряются — не границы государства, а границы человека.

Измена евнуха шаху стала пусковым механизмом джихада, который давно вызревал в бедной, истощенной войной Персии, платившей куруры России. Удар фанатичного народа, *мгновенно* начавшийся, но явно готовившийся английской миссией, был нанесен русскому посольству. Десятая глава завершается разговором Грибоедова со своей совестью... Ситуация не оставляла выбора — поздно было даже бежать: «Поздно, не поздно, — отмахнулся Грибоедов <...> я все знаю сам». Эта реплика, а затем руководство защитой миссии Грибоедовым резко контрастирует с тем, как спасал себя его секретарь Мальцов, набивая карманы золотом и ассигнациями, как покупал убежище, как предал-изменил Грибоедову, о чем просил Бога в молитве: «Я не виноват, я не виноват, Господи. Это он виноват... Пусть все погибнут, если так нужно, Господи, пусть все погибнут. Только спаси, сохрани, помилуй меня...» И в маленькой комнате, куда Мальцова спрятали подкупленные стражники во время разграбления посольства и убийств, «пол и стены ходили, а время стояло».

Наполненность трагическими событиями последних трех глав — джихад в Тегеране, оборона русской миссии, смерть Грибоедова, подробное описание измены-спасения секретаря Грибоедова, его предательство, когда перед шахским двором Мальцов, вдохновленный страхом и злобой, возвел вину за случившийся народный бунт на нена-

вистного ему Грибоедова и отождествил декабристское выступление с «восстанием черни» в Тегеране, — не сдвинуло время с мертвой точки. Нина в Тифлисе родила мертвого ребенка, продолжения в детях не случилось.

Дипломатическая миссия принца Хозрева-Мирзы, отправленного к императору Николаю, не внесла изменения в течение времени. Сначала Хозрев со свитой был принят в Москве, как бы нехотя, но «по-царски». В столице палили пушки во время церемонии приема юного персидского принца в императорском дворце, отмеряя время и событие. Однако недвижность Востока накрыла имперскую столицу, несмотря на ее суету — приемы, обеды, балы, театры, визиты и прочее. Все — как в первой петербургской главе, только без героя, без Грибоедова.

Прием у императора, на котором настоял Хозрев, принося в дар императору алмаз как искупление за убитых в Тегеране, дал нужный результат: событие было забыто, последние два курура, которые не успел получить от шаха русский посол, — прощены. Время обернулось вечностью:

Тогда величественный дядя спустился со ступенек. Он взял за тонкую желтоватую руку Хозрева-Мирзу и произнес:

— Я предаю вечному забвению злополучное тегеранское происшествие.

И так как было тихо, казалось: время осталось за стенами, здесь же вечно стоит генералитет и знаменитейшие особы обоего пола, разных цветов, вечно и тонко раздуваются женские ноздри, чтобы впитать частицы гаремного воздуха, навсегда застряли кучей посредине зала персияне, давно рос здесь, как дерево, стройный Хозрев.

Тогда вечное забвение окончательно и бесповоротно облекло тегеранское происшествие.

Вазир-Мухтар более не шевелился.

Он не существовал ни теперь, ни ранее.

Вечность.

Двенадцать глав романа, мне представляется, можно определить как годовой цикл последнего года жизни главного героя: от весны, когда Грибоедов получил назначение в Персию, до весны следующего года, когда Петербург принимал

персидского принца. Последний год жизни Грибоедова — это и есть время романа, в котором его герой пытался осуществить себя, свои способности, свои замыслы и в поэзии, и в дипломатической службе, и в семейной жизни, решить денежные вопросы своих обязательств перед матерью. Это год «после» известного события декабря 1825 года, с которым автор сопрягает жизнь своего героя. Верно ли это сопряжение, так ли оно было значимо в реалиях биографии Грибоедова? Из 1927 года, когда Тынянов писал роман, понять эту связку легко. Но объяснять ее «предательством» Грибоедовым идеалов поверженных декабристов — ошибка советского литературоведения. Не рок, не судьба, но трагическое столкновение подданного российской империи А. Грибоедова, профессионального дипломата, свободной личности, воспитанной в уже образовавшемся свободном духовном пространстве карамзинского и посткарамзинского интеллектуального дворянского круга, с репрессиями николаевской России после декабря 1825 года, с цензурой, запретившей к постановке его «Горе...», с безразличием и неудачей его торгово-промышленного проекта поставили его в ситуацию выбора себя, сохранения своей внутренней и интеллектуальной свободы. Пролог к роману — картина поколения после 1825 года, страшная в своей правоте. Но она преодолевается героем романа в том смысле, что он не позволяет изменить себе. Потому вечность, покрывшая забвением смерть Вазир-Мухтара, не могла коснуться Грибоедова.

Тринадцатая глава — заключение; она — самая маленькая в романе. Кавказ — не только локус войны, но и перекресток поэтов, место, где *превращают* дворян в рядовых солдат, где поэты начинают философствовать, писать прозой или путевыми заметками. Встреча Пушкина с телегой, везущей останки «Грибоеда», — вольное прочтение Тыняновым «грибоедовского эпизода» из «Путешествия в Арзрум» Пушкина¹¹.

«Зачем поехал он?» — спрашивает себя Пушкин, адресуя вопрос Грибоедову, но может быть, и себе? Ответ: «Но

---

¹¹ Тема имеет немалую литературу: [Фомичев 1998], [Фомичев 2007], [Сидоров], [Долинин] и др.

власть... но судьба... но обновление...» Заметим, как *превращение* из вступления в романе замещено на *обновление* в его последних строках. *Неизменность себе, несостоявшемуся в своем времени*, уловленная Пушкиным, завершает последнюю главу-эпilog романа: «Мы нелюбопытны... Человек необыкновенный... Может быть, Декарт, ничего не написавший? Или Наполеон без роты солдат?»

Как воспринимать эти предположения поэта? Чего здесь больше — сожаления или сомнения? Это вопрос не столько к автору «Смерти Вазир-Мухтара», сколько к Пушкину, ко времени, к имперскому отечеству героя.

Завершая статью, считаю нужным обратить внимание на оценку романа Тынянова в биографической работе Е. Цымбаевой «Грибоедов», написанной для серии «ЖЗЛ» в 2003 году. Автор, ссылаясь на мнения современных литературоведов (С. Фомичева) и советского историка М. Нечкину, резко отрицательно отзываясь о романе, считая его не только «исторически недостоверным», но и «откровенно враждебным подлинному Грибоедову» [Цымбаева: 6]. Автор обвиняет Тынянова в антиисторизме, считая, что в романе нарисован «образ человека, пожертвовавшего убеждениями ради карьеры, предавшего единомышленников-декабристов, подавленного угрызениями совести и противного себе и автору» [Цымбаева: 6]. Во всем, как считает Цымбаева, виноват Серебряный век, который просто не мог понять идеалы людей Золотого века... Понятно, что «подлинный Грибоедов» — это книга, написанная самой Цымбаевой.

Я уверена в том, что такая оценка писателя Тынянова — результат невнимательного и странного для историка поверхностного чтения, не пожелавшего продумать то, что стоит за сюжетными связями романа. Это тем более странно, что историку естественно быть чутким ко времени как самостоятельному мотиву, работающему на всем

---

¹² Надо сказать, что есть и другие работы историков, в которых проницательность Тынянова в «деле Грибоедова» была высоко оценена: [Окунь]. См. также разбор романа: [Солженицын].

протяжении романа и создающему необходимый камертон для понимания действий и мыслей героя¹².

Серебряный так же, как и Золотой век русской литературы, — это время самостоятельности русской мысли. Думаю, что именно это имел в виду Пушкин, когда вспомнил вдруг Декарта в связи с Александром Сергеевичем Грибоедовым. И эта связь, может быть и неожиданная, — приобщает совсем к другой вечности, не той, в которую канул Вазир-Мухтар в описанной Тыняновым сцене императорского прощения Персии, а к той, интеллектуально востребованной, в которой пребывает писатель, композитор и дипломат Грибоедов, обращаясь к читателям и зрителям своими текстами. И можно быть уверенным, что время внимательного чтения романов Тынянова, так же как его теоретических работ по истории литературы, не закончено, но продолжается и занимает необходимое и важное место в интеллектуальной истории русской мысли.

Литература

Белинков А. В. Юрий Тынянов. М.: Советский писатель, 1965.

Готовцева А. Г., Киянская О. И. Движение декабристов в государственной пропаганде 1825—1826 гг. // Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы. М.: РГГУ, 2008. С. 477—493.

Долинин А. Dichtung und Wahrheit Пушкина: «грибоедовский эпизод» в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года» // URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=eKHimsCkUyo%3D&tabid=10358>.

Каверин В., Новиков В. Новое зрение. Книга о Юрии Тынянове. М.: Книга, 1988.

Окунь С. Б. Историзм Ю. Н. Тынянова («Смерть Вазир-Мухтара» и современная историческая наука) // Вопросы истории. 1966. № 8. С. 35—46.

Остахова А. А. Имперские проекты А. С. Грибоедова сквозь время и пространство // URL: http://forum.polismi.org/index.php?app=core&module=search&do=viewNewContent&search_app=forum.

Санкт-Петербургские ведомости. 1825. 15 декабря. Прибавление.

Сидоров И. С. «Великая иллюзия» или «мнимая нелепость» (О встрече Пушкина с телом убитого Грибоедова) // Московский Пушкинист. Вып. 6. М.: Наследие, 1999. С. 292–337.

Солженицын А. «Смерть Вазир-Мухтара» Юрия Тынянова // Новый мир. 1997. № 4. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1997/4/solgen.html.

Тоддес Е. А., Чудаков А. П., Чудакова М. О. Комментарии к статье «О литературной эволюции» // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 518–530.

Фомичев С. А. «Грибоедовский эпизод» в «Путешествии в Арзрум» Пушкина // А. С. Грибоедов: Хмелитский сборник. Смоленск, 1998. С. 374–383.

Фомичев С. А. Пушкинская перспектива. М.: Знак, 2007.

Цамутали А. Н., Белоусов М. С. 190-летие восстания // Вестник СПб ун-та. Сер. 2. Отечественная история. 2015. Вып. 4. С. 3–18.

Цымбаева Е. Н. Грибоедов. М.: Молодая гвардия, 2003. (ЖЗЛ).

Эйдельман Н. Эпиграф Тынянова // Знание-Сила. 1982. № 5–6.

Manin Ju. I. Тынянов и Грибоедов: заметки о «Смерти Вазир-Мухтара» // *Revue des etudes slaves*. 1983. Vol. 55. No. 3. P. 507–521.

Bibliography

Belinkov A. V. Yury Tynyanov. Moscow: Sovetsky pisatel, 1965.

Dolinin A. Dichtung und Wahrheit Pushkina: 'griboedovskiy epizod' v 'Puteshestvii v Arzrum vo vremya pokhoda 1829 goda' [Pushkin's Dichtung und Wahrheit: The Griboedov Episode in *Journey to Arzrum during the 1829 Campaign*] // URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=eKHimsCkUyo%3D&tabid=10358>.

Eidelman N. Epigraf Tynyanova [An Epigraph by Tynyanov] // *Znanie-Sila*. 1982. Issue 5–6.

Fomichev S. A. 'Griboedovskiy epizod' v 'Puteshestvii v Arzrum' Pushkina [The Griboedov Episode in *Journey to Arzrum* by Pushkin] // A. S. Griboedov: Khmelitskiy sbornik [Khmelita Collection]. Smolensk, 1998. P. 374–383.

Fomichev S. A. Pushkinskaya perspektiva [The Pushkin Perspective]. Moscow: Znak, 2007.

Gotovtseva A. G., Kiyanskaya O. I. Dvizhenie dekabristov v gosudarstvennoy propagande 1825–1826 gg. [Decembrist Movement in the

State Propaganda of 1825–1826] // Dekabristy. Aktualnie problemy i novie podkhody [Decembrists. Topical Issues and New Approaches]. Moscow: RGGU, 2008. P. 477–493.

Kaverin V., Novikov V. Novoe zrenie. Kniga o Yurii Tynyanove [New Vision. A Book on Yury Tynyanov]. Moscow: Kniga, 1988.

Manin Ju. I. Tynyanov i Griboedov: zametki o ‘Smerti Vazir-Mukhtara’ [Tynyanov i Griboedov: Notes on *The Death of Vazir-Mukhtar*] // Revue des etudes slaves. 1983. Vol. 55. No. 3. P. 507–521.

Okun’ S. B. Istorizm Y. N. Tynyanova (‘Smert’ Vazir-Mukhtara’ i sovremennaya istoricheskaya nauka) [Y. N. Tynyanov’s Historism (*The Death of Vazir-Mukhtar* and Contemporary Historical Studies)] // Voprosy istorii. 1966. Issue 8. P. 35–46.

Ostakhova A. A. Imperskie proekty A. S. Griboedova skvoz’ vremya i prostranstvo [A. S. Griboedov’s Imperial Projects through Time and Space] // URL: http://forum.polismi.org/index.php?app=core&module=search&do=viewNewContent&search_app=forums.

Sankt-Peterburgskie vedomosti. 15 December, 1825. Pribavlenie [Addition].

Sidorov I. S. ‘Velikaya illyuziya’ ili ‘mnimaya nelepost’ (O vstreche Pushkina s telom ubitogo Griboedova) [A ‘Great Illusion’ or ‘Seeming Absurdity’ (Pushkin Crossing Paths with the Body of Murdered Griboedov)] // Moskovskiy Pushkinist [Moscow Pushkinist]. Issue 6. Moscow: Nasledie, 1999. P. 292–337.

Solzhenitsyn A. ‘Smert’ Vazir-Mukhtara’ Yuriya Tynyanova [*The Death of Vazir-Mukhtar* by Yury Tynyanov] // Noviy mir. 1997. Issue 4. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1997/4/solgen.html.

Toddes E. A., Chudakov A. P., Chudakova M. O. Comments on the Article ‘O literaturnoy evolyutsii’ [Comments on the Article *On Literary Evolution*] // *Tynyanov Y. N.* Poetika. Istoriya literatury. Kino [Poetics. History of Literature. Cinema]. Moscow: Nauka, 1977. P. 518–530.

Tsamutali A. N., Belousov M. S. 190-letie vosstaniya [The 190th Rebellion Anniversary] // Bulletin of St. Petersburg State University. Series 2. Otechestvennaya istoriya [Russian History]. 2015. Issue 4. P. 3–18.

Tsymbaeva E. N. Griboedov. Moscow: Molodaya gvardiya, 2003. (*The Lives of Remarkable People* Series).